

Голову мне в этой жизни приходится задирать частенько. Родители у меня вовсе не коротышки — мама скорее даже высокая. А вот моя бабушка, Рукавичка (да-да, мы и правда все ее так называем), — совсем невеличка. Я в науке не особенно разбираюсь, но знаю, что иногда гены предыдущих поколений могут внезапно проявиться. Это для того, наверное, устроено, чтобы нам легче было общаться со своими старичками.

Как-то вечером, когда я училась в третьем классе, у меня заболело горло. И я спустилась из своей комнаты, чтобы попросить аспирина или теплой соленой воды для полоскания. Хотя, попадись мне в буфете арахисовое печенье, и оно сгодилось бы. Родители как раз сидели в гостиной, и я слышу, как папа говорит маме:

— Хорошо еще Джулия девчонка — представляешь, если бы парня угораздило родиться таким коротышкой?

Я так и замерла. Обо мне разговаривают. Стою и жду, когда мама скажет: «Да ладно тебе, Глен, не такая уж она и коротышка».

Не дождалась.

Вместо этого она сказала:

— И не говори. Это все моя мама, Рукавичка, — вот кого винить надо.

И тут они оба засмеялись.

Значит, кого-то надо винить за то, что я такая.

Как за преступление.

И виноватого уже нашли.

И пускай я отлично знала, что они любят меня больше всего на свете, только теперь выходило, что я — коротышка, а они — нет. Я ведь до этого даже не задумывалась, что мой рост тревожит родителей. Теперь же от этих слов плечам стало тяжело-тяжело, хотя я даже халата не накинула, когда вышла из комнаты. Чувство было такое, словно я набрала полные ботинки мокрого песка или пытаюсь расчесать волосы, в которых застряла жвачка. Ко всему прочему от их слов веяло еще и пренебрежительным отношением к женщинам, а ведь это тоже плохо.

Я даже не стала просить лекарства — сразу поднялась к себе в комнату, забралась под одеяло и крепче обняла Рамона, моего пса. Он давно уже спал мордой на подушке. Ему поначалу не разрешали забираться ко мне в постель, да только люди и собаки к правилам немножко по-разному относятся. Я прижалась к Рамону и шепнула ему на ухо:

— В жизни больше вслух «коротышка» не скажу!

Я даже не представляла, как сложно будет сдерживать это обещание. Будто весь мир только и знал, что навязывать мне это слово.

Факт есть факт: на общих фотографиях в школе меня никогда дальше первого ряда не ставят. А когда в баскетболе на команды делимся, никто меня в свою не принимает — даже лучшие друзья. Бросок у меня хоть и неплохой, да уж слишком легко мой мяч перехватить.

Если едем куда-то всей семьей, я всегда сижу в третьем ряду, в самом конце машины — мне легче других примоститься среди сумок, к тому же я не прочь ехать лицом против движения.

На кухне, чтобы взять стакан и напиться воды, мне приходится вставать на приступку.

Я до сих пор в собачью дверцу во входной двери могу протиснуться, если вдруг кто-то случайно ее захлопнет (а такое случается гораздо чаще, чем может показаться).

Бабушка Рукавичка называет меня бульдожкой. Говорит, что бульдожки хоть и маленькие, но никому спуска не дадут. Не уверена даже, хорошо ли это, потому что единственного бульдога, которого я знала, звали Ураган, и он много кого покусал.

А всего лишь семь недель назад Рамон был с нами.

И он не бульдог.

Весь в черной-белых пятнах, не породистый — ну или просто можно сказать, что дворняга. Только мне это слово не нравится, ведь у него «негативные коннотации», то есть оно может вызвать у кого-то нехорошие мысли. Некоторые думают, что Рамон

отчасти бультерьер, потому что у него голова большая и форма тела похожая, — да только я никаких ярлыков на свою собаку не хочу навешивать.

Рамона мы взяли у людей из собачьего приюта, которые по воскресеньям стоят рядом с фермерским рынком. Пожалуй, это был лучший пес в мире. Он у нас прожил больше пяти лет, а потом — это было месяца полтора назад — забрался на папино кресло в гостиной (хотя почему мы его называем папиным, я не знаю — там все сидят, и даже Рамон, когда никто не видит). Ну так вот, забрался Рамон в тот день на кресло — а ему во всем доме только туда не разрешалось залезать. На диван — пожалуйста, туда одеяло стелили, которое всегда можно постирать, а вот папино кресло кожаное.

Я захожу, увидела это и говорю:

— Нельзя, Рамон!

Он знал много слов — «еда», например, «сидеть» или «гулять», «белка» и «нельзя» — да только в тот раз так себя повел, будто никогда в жизни не слышал человеческого голоса. Уставился в одну точку и не шелохнется, а потом вдруг как дернется всем телом! Словно его током ударило.

Мы потом узнали, что у него прихватило сердце — оттого-то его так и подбросило.

Рамон умер той же ночью в ветеринарной лечебнице, завернутый в мое любимое зеленое одеяло.

Мы даже не знаем, сколько Рамону было лет, потому что взяли его из приюта. Зато точно знаем, что

любили мы его так, как только вообще можно любить.

Я до сих пор все время невольно ищу его взглядом. Вхожу в гостиную и сразу смотрю на диван. И на кухне то же самое — там его любимым местом был синенький половичок перед холодильником. Рамон как никто умел мешаться под ногами, но и лучшие места в доме отыскивал отлично.

Бабушка Рукавичка обожает некрологи — это вроде как колонка новостей из мира умерших. Как приедет навестить нас, обязательно принимается читать мне их вслух.

Жаль, что про животных такого не пишут. Интересно было бы прочесть новость под таким, например, заголовком:

МЕСТНЫЙ КОТ ПОГИБ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ДВУХ МАШИН

Или таким:

ЭТОТ ПЕС БЫЛ ВЫДАЮЩИМСЯ КРАСАВЦЕМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

А может, таким:

ОТ НАС УШЕЛ ХОМЯК, СТАВШИЙ ОСНОВАТЕЛЕМ НОВОЙ СИСТЕМЫ ТРЕНИРОВОК

Или даже:

ЗАСЛУЖЕННАЯ ЗОЛОТАЯ РЫБКА УМЕРЛА ПРИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Я была еще совсем маленькой, когда бабушка Рукавичка прочитала мне последний заголовок, но я его все равно запомнила. Говорилось в нем, правда, не про золотую рыбку, а про какого-то военного из Южной Америки. Я только не запомнила его имени, потому что исторические факты у меня в голове не задерживаются.

Я уже давно поняла, что жизнь — это долгая непрекращающаяся война за аплодисменты.

Даже умирая, люди надеются, что кто-нибудь непременно напишет статью с перечислением всего, чего они добились.

Хотя животные тоже любят, когда их хвалят.

Ну, коты, может, и нет, но я точно знаю, что стоило мне сказать что-нибудь вроде: «Хороший мальчик, Рамон!» — и он прямо-таки светиться начинал от удовольствия.

Заголовок некролога Рамона Маркса выглядел бы так:

С УХОДОМ ЛУЧШЕГО ПСА В МИРЕ СЕРДЦА РАЗБИТЫ, А ДОМ ОПУСТЕЛ

Я с той самой ночи сердечного приступа в папи-

ном кресле все никак не могу поверить, что Рамона больше нет. Родители говорят мне: «Время все лечит». Вот только это неправда, очень много есть такого, что оно никогда не вылечит. Ну вот если ты, например, сломаешь позвоночник, то уже точно никогда в жизни больше не сможешь ходить.

Так что они, наверное, просто имеют в виду, что со временем боль поуляжется. А значит, правильнее было бы сказать так: «Время притупляет боль». Так точно будет правдивее, да только это не мое дело — исправлять поговорки.

Мой учебный год уже десять дней как закончился. Даже не знаю, почему школьный год с календарным начинаются и заканчиваются в разное время. Начало года первого января как-то ну совсем не смотрится. Если бы меня сделали главной (хоть до сих пор такого никогда не было), я бы начало календарного года назначила на 15 июня и всех детей освободила бы на два месяца от школы, чтобы успели хорошенько отпраздновать новый год.

Теперь, когда школа осталась позади, я надеюсь, что понемногу начну отходить от тоски по Рамону, потому что нельзя так дальше.

Вот только забывать я его не собираюсь.

Ни за что на свете.

Я попросила родителей отдать мне ошейник Рамона, и, кажется, они не слишком обрадовались, когда я его прицепила на абажур лампы рядом со своей кроватью. Если приглядеться, то на внутренней сто-

роне до сих пор можно увидеть прилипшие волосы, да и пахнет он по-прежнему Рамоном.

Не сказать, чтобы запах был особо приятным, но это его запах — вот что главное. Ошейник я повернула биркой к кровати, чтобы утром, когда я встаю, видеть имя: «РАМОН». Мне очень важно каждый новый день начинать с воспоминания о нем.

Хотя что-то мне подсказывает, что свой день он, скорее всего, начинал с мысли о миске для корма. Что-что, а поесть Рамон любил.

А кормила его я.

Я не к тому, что он меня только из-за этого больше других любил. Хотя и из-за этого тоже, наверное.

А под ошейником стоит маленькая резная фигурка, которую для меня дядя Джейк сделал. Точь-в-точь Рамон.

Раньше дядя Джейк был обычным страховым агентом и жил в Аризоне с тетей Меган. Как-то раз они попали в автомобильную аварию, и дядя Джейк повредил спину, так что ему потом долго пришлось лежать в кровати не вставая. А характер у него очень живой, и тетя Меган стала бояться, как бы муж от постельного режима не сошел с ума. Вот она и купила в рукодельном магазине набор для резьбы по дереву — ну то есть для того, чтобы всякое вырезать из дерева.

Первой фигуркой, которую он вырезал, стал Старый капитан. В наборе среди прочего был кусок дерева размером с ладонь, причем именно такой фор-

мы, какая нужна для поделки — бери себе резец и принимайся за дело. При этом благодаря шаблону из набора ты сразу видишь, где надо резать. Это не мухлеж вовсе, а такой способ обучения.

После Старого капитана дядя Джейк перешел на разные другие фигурки, посложнее, а потом остановился на птицах. Некоторые из тех, кто занимается резьбой по дереву, отправляют свои поделки на разные конкурсы — вот и дядя Джейк со временем стал заниматься тем же самым. Сейчас дядя Джейк — всемирный чемпион по резьбе, а лучше всего у него получаются разные водоплавающие птицы.

Выходит, его тайным талантом было умение аккуратно вести по дереву острый нож.

Все это случилось еще до моего рождения, и теперь он зарабатывает деньги уже не страхованием, а продажей своих деревянных скульптур.

Два с половиной года назад дядя Джейк вырезал фигурку Рамона. Мне она сразу понравилась, а уж как я ее теперь люблю, и словами не выразишь.

Если бы я взялась ставить себе цели на лето, то они были бы такими: перестать беспокоиться о своем росте и научиться радоваться жизни после смерти Рамона.

Да только у меня не очень получается строить планы. Это дело я обычно доверяю двум своим подругам.

Кайли и Пайпер я знаю уже больше половины всей своей жизни. Когда нам удастся наскрести достаточно денег, мы любим ходить в боулинг. На выходных во время учебного года ездим втроем на автобусе в библиотеку, чтобы покопаться в книгах. Я дочитываю далеко не все книги, за которые берусь, — в отличие от Кайли. Она, что называется, «книжный червь» (правду сказать, не самый симпатичный способ обозначить чью-то любовь к книгам — ну кто обрадуется червю в книге?).

А одно из самых любимых наших развлечений — это мороженое. В ближайшей аптеке можно задешево купить мороженое на любой вкус.

Прошлым летом, правда, мы купили там черепаху вместо мороженого. Черепашки плавали в большущей миске с водой на кассе.

Мы решили разделить ее на троих, чтобы жила у каждой из нас по десять дней в месяц.

Вот только родители эту идею не оценили, и Петулу пришлось вернуть. При этом нам даже деньги обратно не отдали, а это уж, конечно, совсем нечестно.

Мы потом говорили друг другу, что скучаем по ней, но это выдумки, потому что Петула всего-то пару часов у нас и пробыла.

Если верить маме Кайли (она медсестра с дипломом), мы серьезно рисковали подхватить сальмонеллу.

В этом году Пайпер отправили в летний лагерь. Она уже два дня как уехала. Ее мама ездила туда ребенком, и теперь это вроде как семейная традиция. Сама Пайпер была от этого не в восторге. Я обещала ей писать каждый день, но пока что так и не собралась. В летних лагерях любые гаджеты под запретом, так что ей кроме бумажного письма никак по-другому и не напишешь.

Кайли в лагерь не поехала — она на прошлой неделе вместе с семьей отправилась в экскурсионную поездку по бейсбольным полям штата. Тут уж я совсем ничего не понимаю. Разъезжает в машине и на поля глазеет. При этом сама она спорт не особенно любит, так что в целом все это выглядит совсем странно.

Поскольку они обе уехали, то я уже уйму времени сижу без дела. Но это нормально. Я не просто так

брожу по дому, а Рамона выглядываю — но только тайно, про себя, чтобы никто не заметил.

Только это, наверное, все равно заметно, потому что вчера мама сказала, что хочет отправить меня на прослушивание в университет, где собрались ставить какой-то спектакль.

Я ей ответила, что ничего такого не хочу.

А она говорит, что Рэнди, мой младший брат, просится на прослушивание, так что и мне стоит об этом подумать (то есть как ни верти, а пойти туда она меня заставит).

У меня есть еще и старший брат, Тим, ему скоро исполняется пятнадцать, и поэтому он на летних каникулах может заниматься всем, чем захочет. Я точно знаю, что мне на сцене делать нечего, так что пусть младший без меня на прослушивание идет. Вот только приглядывать за ним — это моя обязанность, мама мне за это еще и приплачивает. По-моему, она попросту решила сэкономить эти деньги, пристроив нас с братом туда, где нами будут заниматься.

И вот уже я стою в длинной очереди детей перед темной сценой нашего студенческого театра и готовлюсь петь. От нечего делать прислушиваюсь к разговорам взрослых и слышу:

— Тут будут и профессиональные актеры.

— Да вы что!

— Мне так женщина сказала у них в офисе. За зарплату будут работать. Кто-то сюда с самого восточного побережья прилетит.

— Интересно, а знаменитости есть?

— Когда все объявят, тогда и узнаем.

— Режиссер сам из Флориды. Говорят, будто бы он на Бродвее спектакли ставил!

Я рада, что мама не вступает в этот разговор, — она как раз набирает электронное письмо на телефоне. А Рэнди засунул в рот канцелярскую резинку. Мама и этого тоже не увидела. Рэнди уже давно не малыш, так что никаких других резинок, кроме жевательных, в рот не должен совать, но я не стану ябедничать — может, он себе места не находит в ожидании момента, когда надо будет выйти на сцену и петь. Вот я точно не нахожу.

Надеюсь, что перед прослушиванием Рэнди вытащит резинку, а то как бы насмерть не подавился. Тогда-то мама пожалеет, что вообще все это затеяла.

Голос у Рэнди хороший, и он все время что-то распевает. Ему достаточно дважды услышать песню по радио, чтобы она ему въелась в голову. В хорошем смысле слова.

А вот я совсем не музыкальная.

Года два назад или даже больше родители купили фортепиано у людей, которые переезжали в Юту, и подарили его нам с братом на Рождество. Мне пришлось изо всех сил изображать радость, потому что это ого-го какой подарок, но только я эту штуковину возненавидела с того самого момента, как ее затащили в холл второго этажа, куда выходит дверь моей комнаты. Фортепиано стояло

там и тарасилось на меня — точь-в-точь певчая птица, которую упрятали в клетку. Оно на волю хотело вырваться и петь — да только у меня никакого таланта нет.

Почти целый год я каждую неделю ходила к старушке на Скайлайн-драйв и брала уроки игры на фортепиано. Каждый сеанс той пытки занимал 45 минут. Я разучивала гаммы, и, хотя кто-то наверняка смог бы их усвоить за один-единственный урок, у меня дело дальше не шло, хоть тресни.

К миссис Сукрэм ходило немало других учеников приблизительно моего возраста, и мне очень повезло, что среди них не затесалось ни одного из моей школы. Меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы какая-нибудь знакомая девчонка услышала, насколько скверно я играю, и поняла к тому же, что я безнадежно топчусь на одном месте.

Буксовала я именно в практике. Пальцы попросту не ложились на клавиши так, как было нужно. Может, потому что оказались слишком маленькими, а может, просто были неспособны запорхать сами собой, как это рано или поздно случается у других.

Словом, это было сущее мучение. То ли дело Тим, мой старший брат! Он играет на гитаре и вечно клянчит у родителей всякие штуки для нее вроде усилителей или нового ремня. Целыми часами играет, запершись у себя в комнате, но его все равно отлично слышно на улице. Нашим соседям, наверное,

не слишком приятно без конца слушать один и тот же мотив.

Все люди непохожи друг на друга, но Тим — первенец, и поэтому у наших родителей возникли «завышенные требования». Я слышала, как папа маме об этом однажды говорил. Гитарное барахло Тима вечно разбросано по всему дому. Очень напоминает кучки домашнего животного, которого забыли приучить к лотку.

Впрочем, за год занятий с миссис Сукрэм я кое-чему все-таки выучилась. Например, заводить разговоры, которые отвлекают взрослого от неприятного тебе дела. Вся штука в том, чтобы сперва задать один большой вопрос, а потом раз за разом подбрасывать вопросы поменьше (тогда будет ясно, что ты по-прежнему слушаешь).

Первым всегда шел вопрос о детстве миссис Сукрэм. Где она выросла и когда поняла, что ей так сильно нравится музыка? Если мне удавалось ее завести (а это было совсем не сложно), она до конца урока отбывала в свой маленький городок где-то в Айдахо. Я шаг за шагом, неделя за неделей узнавала про ее детство. Теперь о жизни этой старушки я знаю больше, чем о прошлом собственных родителей. Если коротко, она выросла на картофельной ферме и настолько обожала музыку, что после уроков ходила за четыре мили послушать, как играют на арфе в вестибюле местного отеля.

А по-моему, нет ничего печальней, чем из всех

возможных инструментов выбрать арфу — и с собой ее никуда не возьмешь, и в гостях, скорее всего, случайно не обнаружишь, как это почти всегда бывает с фортепиано. Даже не надейся, что хозяева вдруг ткнут пальцем в угол и скажут: «О, а у нас арфа есть. Может, сыграете?»»

Когда я выяснила, что говорить о музыке миссис Сукрэм нравится гораздо больше, чем слушать, как я тарабаню по клавишам, мне стало гораздо легче переносить наши уроки.

Но однажды она говорит:

— Джулия, я намерена сегодня позвонить твоей маме. Я не могу у нее и дальше брать деньги.

Я не знала, что сказать, и выдавила только:

— Да ее вроде как все устраивает.

Лицо у миссис Сукрэм было очень печальное.

— Милая, — говорит, — похоже, фортепиано не твой инструмент.

Я качнула головой так, чтобы это можно было и за «да» принять, и за «нет», а потом услышала:

— Мне будет не хватать тебя, Джулия.

И тут миссис Сукрэм берет меня за руку, и ладонь у нее оказалась гораздо теплее моей. Я поняла, что она не шутит, потому что у нее заблестели глаза, да и под носом стало влажно. Ясное дело — плачет. Хотя, может, и приступ аллергии.

Тут бы и мне сказать, что я тоже стану скучать, но так нагло врать я попросту не умею. Поэтому я просто обхватила талию миссис Сукрэм руками и креп-

ко стиснула. Дама она немаленькая, так что там было что обхватывать.

Спустя несколько минут я уже выпорхнула на улицу. Так себя, наверное, чувствуют те, кто отбыл тюремный срок или у кого с тела только что сняли цельный гипс. Я до этого момента, оказывается, и не подозревала, как же сильно ненавидела фортепиано — и как много успела узнать про выращивание картофеля.

С тех пор я почти не вспоминала о музыке — а теперь вот топчусь в огромной толпе, готовясь распевать «Где-то над радугой» на каком-то дурацком прослушивании, куда заявилось полгорода.

У меня было не так много времени, чтобы определиться с гардеробом для этого неожиданного сеанса пыток, так что я, недолго думая, натянула кожаные сандалии, джинсовые шорты да белую блузку-крестьянку. Она моя любимая — из тонкого хлопка, с пышными рукавами и круглым вырезом. Сама я ее «крестьянкой» никогда не называю, потому что звучит это все равно что «одежка нищего» или вроде того. Но вообще-то именно так эти блузки обычно называют.

Да и крестьян в наших краях не водится. Вот фермеры за городом есть, и, я думаю, они себе часто нанимают работников, которые готовы задешево трудиться. Вот только вряд ли те натягивают нарядные блузки, когда идут пропалывать сорняки.

Как бы то ни было, на мне сейчас то, что я счи-

таю одним из лучших своих нарядов, и это важно: я давно уже поняла, что если впереди пугающая неизвестность, то по крайней мере одеться стоит поудобнее.

Последнее дело — шерстяное надевать туда, где, скорее всего, будешь нервничать.

А на моем младшем брате полосатая рубашка и коричневые шорты с резинкой (по-моему, жуть как не модно). И еще одна резинка — канцелярская — во рту.

В этой жизни каждый из нас волен поступать по-своему — за исключением, конечно, по-настоящему важных поворотов. Там все давно уже за нас решено — именно поэтому я и стою сейчас в этой толпе.

Спустя целую вечность приходит моя очередь подниматься на сцену.

Большинство выступавших передо мной ребят пели «Где-то над радугой». А одна девочка спросила у мужчины за фортепиано, можно ли спеть «О, благодать», и он не стал возражать. Я, правда, не смогла слушать и заткнула уши. Мне эта песня напомнила о том, что Рамона больше нет. Волосы у меня длинные, так что я сделала вид, что просто завела руки за голову и держу так.

Когда я подхожу к фортепиано, у меня неожиданно созревает план, и я говорю:

— А можно я спою «Этот край — твой край»?

Мужчина кивает мне и подмигивает. С его сто-

роны это очень мило, потому что у меня сразу появилось такое чувство, будто он знает что-то важное, что мне и вовсе невдомек — ну, например, с чего это я тут собралась разливать соловьем перед двумя сотнями незнакомцев.

И тогда я завожу «Этот край — твой край», глядя прямо в зал, поверх головы женщины, которая записывает все происходящее на камеру.

Я совсем не хотела здесь быть, но не зря бабушка Рукавичка говорит, что я бульдожка — а лают они громко. Вот я и запела во всю силу своих легких, не забывая и за руками следить, чтобы ненароком не сжались в кулаки. А то некоторые из тех, кто до меня выступал, выглядели так, будто кому-то собираются расквасить нос.

Заканчиваю петь, поворачиваюсь к пианисту и говорю: «Спасибо большое». Он снова подмигивает, ну тут уж и я не удержалась — смеюсь. А потом еще маленький поклон в сторону фортепиано отвесила. Понятия не имею, что на меня нашло.

Похоже, мама поняла, что денек для меня выдался непростым, потому что сразу после прослушивания мы отправились в кондитерскую, где я и Рэнди получили по шоколадному пирожному. Мы едим их прямо в машине по пути домой, хотя до ужина остается каких-то полчаса. Мама говорит:

— С поклоном ты хорошо придумала, Джулия. Очень эффектно получилось. Люди такое любят.

Я не отвечаю, потому что ни о какой эффектности

даже и не думала — я вообще не знаю, что это такое. Но я рада, что маме понравилось.

Я знаю, что пою так себе. Когда Рэнди пел, в его голосе прямо мед слышался. Сладость какая-то. А у меня голос хоть и громкий, но совсем не сахарный, потому что нет нужного тона.

У Рэнди есть то самое, что миссис Вэнсил (моя любимая школьная учительница) называет «настоящим потенциалом».

А у меня потенциал совсем не высокий (хоть с ростом это вообще-то никак и не связано).